
Камила Левитан ✦ Анна Сорока
Развод с предателем.
Ты заставил меня раздеться
перед гостями ради любовницы!

Анна Сорока
Камила Левитан

Развод с предателем. Ты заставил меня раздеться перед гостями ради любовницы!

https://litres.ru/74731817
SelfPub; 2026

Аннотация

На пятую годовщину свадьбы муж подарил мне развод.

Прямо перед гостями он объявил, что забирает мою студию, мои разработки и всё, что я создавала годами.

А потом потребовал снять платье и туфли. Ведь даже они, по его словам, принадлежали ему.

Любовница стояла рядом и смеялась.

Артур был уверен, что уничтожил меня.

Но он не знал главного: оригиналы самых ценных чертежей остались у меня.

Теперь за моими разработками охотятся влиятельные люди. А опасный мужчина по имени Игорь предлагает союз, который может стоить мне свободы.

Я потеряла мужа, но не талант. И больше никому не позволю присвоить мою жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Камила Левитан, Анна Сорока Развод с предателем. Ты заставил меня раздеться перед гостями ради любовницы!

Глава 1

На пятую годовщину я надела белое платье. Зачем — сама теперь не понимала. Три года назад Артур в этот день подарил мне резцы и первым делом попросил показать, как они снимают стружку. Я тогда решила: ему правда интересно. Сегодня он разглядывал телефон. Поднимал голову лишь на чужой голос, на мой — нет.

В банкетном зале ресторана «Янтарь» от духов щипало нос. Вика обошла наш стол уже трижды, и всякий раз Артур поднимал глаза от телефона только на неё. Гости гудели, бокалы звенели, а я стояла у стола, чувствуя, как ткань моего белого платья — того самого, которое Артур назвал «иде-

альным фоном для моих украшений», — липнет к спине от напряжения. Я потянулась к его руке, лежащей на скатерти. Он отдёрнул руку сразу. Я успела коснуться только пальцев.

— Тихо, я решаю вопрос, — бросил он, не поднимая глаз. Так он отвечал поставщику, когда тот снова просил аванс.

Я убрала руку со скатерти и поправила манжету: хоть чем-нибудь занять пальцы. Вика, бывшая секретарша Артура, теперь представлявшаяся «подругой семьи», скользнула мимо меня с бокалом шампанского. У Вики было бордовое платье. Мой белый рукав рядом с ним вдруг показался нелепым: опять нарядилась, как на свадьбу, кому что доказываю?

— Ты прекрасна, Марина, — прошептала она мне в ухо, и я отвернула лицо. — Артур обожает этот фасон. Он сам выбирал. Говорил, что ты в нем выглядишь... послушно.

Я хотела ответить колкостью, но Артур уже прошел мимо нас. Он обнял Вику за талию, и она даже не повернулась. Значит, привыкла. Я ещё смотрела на его пальцы, когда он заговорил уже со мной.

— Не стой столбом, Марина, — сказал он через плечо, даже не обернувшись. — Подай шампанское гостям. У нас тут важный момент.

До ушей дошло «подай» — и я по старой привычке потянулась за бутылкой. Остановилась. За спиной хихикнули, несколько гостей притихли. Вот это он и хотел увидеть: как я сама обслуживаю его маленький праздник. Прикусив щёку, поставила бутылку обратно. За этим столом сидели наши

заказчики. Они прекрасно знали, кто делал украшения.

— Что происходит? — спросила я, подходя к нему вплотную. Моя рука дрогнула, но я сжала кулак, чтобы скрыть дрожь. — Ты нервничаешь? Почему ты игнорируешь гостей?

Артур вздохнул, не прикрывая раздражения. Полез в карман пиджака, и я, дура, успела обрадоваться. Коробочка? Пусть даже открытка, лишь бы можно было объяснить эту сцену плохой шуткой. Из кармана вылез мятый угол листа. Ещё прежде, чем он расправил бумагу, я поняла: подарка не будет.

Он положил его передо мной на стол, поверх недоеденного салата.

— Прочитай, — сказал он тихо.

Я взяла бумагу. Не могла удержать лист за угол: приходилось брать обеими руками. «Соглашение о расторжении брака». Дата сегодняшнего дня. Подпись Артура стоит уверенно, размашисто. А рядом пустое место для моей подписи.

— Это шутка? — выдохнула я, пытаясь улыбнуться. Смех вышел сухим, лающим. — Артур, посмотри вокруг. Люди смотрят. Это неприлично.

— Подпиши, — повторил он, забирая у меня бокал шампанского, который я машинально схватила со стола. Он сделал глоток, смакуя напиток, и посмотрел мне прямо в глаза. Он дождался, пока я перестану улыбаться. — Или я активирую пункт договора о совместной деятельности, который ты подписала три года назад. Там есть мелкий шрифт про ин-

теллектуальную собственность. Если ты откажешься, студия переходит ко мне. Полностью. Со всем оборудованием, патентами и твоими чертежами.

Лист смялся у меня в руках. Тот договор — он сунул его мне между звонками поставщикам, торопил: подпиши, люди ждут. Пункты о доходах я читала дважды, даже пересчитывала нашу прибыль на полях. Теперь хотелось ударить его этой бумагой по лицу. Но разве там было про патенты? Разве там было написано, что моя голова принадлежит ему?

— Там не было такого пункта! — повысила я голос. Тишина в зале стала оглушительной. Гости перестали есть, их взгляды были прикованы к нам. — Ты врешь!

Артур усмехнулся. Он достал планшет, быстро свайпнул экран и развернул его ко мне. Фотокопия договора. Пункт 4.2. «Все разработки, созданные в период действия союза, являются общим имуществом, управляемым главой семьи». И подпись. Моя подпись. Я приблизила экран. В копии толком не разглядеть даже нажим.

— Я переписал квартиру на маму месяц назад, — продолжил он, понижая голос до интимного шепота, который слышала только я. Ключи от студии уже у Вики. Ты мне больше не нужна, Марин. Ты выдохлась. Стала серой мышью, которая только ест мою еду и занимает место в постели.

Я оглянулась на гостей. Никто не спросил Артура, что он делает. Даже те, кто заказывал у меня украшения, теперь смотрели в тарелки. У дальней колонны кто-то поднял теле-

фон, чтобы снять нас. Я была голая перед ними, несмотря на дорогое платье.

Нужно было уйти. Сохранить хоть каплю достоинства. Я медленно сняла обручальное кольцо. Оно крутанулось в пальцах, оставив влажный след на металле. Положила его на край тарелки, прижав угол документа. Щелчок кольца о край тарелки был тихим, но в тишине зала прозвучал как выстрел.

— Счастливо, Артур, — сказала я и развернулась к выходу. Голову вскинула высоко, спину выпрямила. До выхода нужно было пройти мимо наших заказчиков. Пусть смотрят мне в лицо; задирать подбородок оказалось проще, чем удержать слёзы.

— Стоять, — приказал он. Не кричал. Просто произнес слово, от которого у меня замерло сердце. — Платье. Оно мое.

Я остановилась. Обернулась.

— Что?

— Я купил его для рекламы нового бренда украшений, который запускаю с братом Вики, — объяснил Артур, как будто говорил о сломанном стуле. — Сними. И туфли тоже. Они из моей коллекции. Ты не имеешь права носить мои активы после развода.

Вика хихикнула, прикрыв рот салфеткой. Только что шептала мне про фасон — и уже ждала, когда я его сниму. Он хотел оставить меня в нижнем белье посреди зимы, на глазах у всего Калининграда. Я стиснула ткань на бедре. По-

давиться бы ей этим смешком. Туфли он тоже требовал вернуть. Я опустила взгляд на них: стояла в них весь вечер ради него. Хватит.

Вика ждала моих слёз, и от этого плакать стало почти невозможно. Артур уже отвернулся к гостям. Я могла уйти сейчас. Только сначала мне хотелось стереть с его лица эту довольную складку у рта.

Я медленно вернулась к столу. Упёрлась в край столешницы, чтобы он не заметил дрожи в коленях. Взяла вилку, наколола кусок шоколадного торта. И начала есть. Сладкое прилипло к нёбу. Я облизала пальцы: Вика пусть бережёт салфетку.

— Вкусно, — пробормотала я с набитым ртом, наблюдая, как расширяются его глаза. — Знаешь, Артур, я ведь тоже кое-что сохранила. Черновики чертежей ограночного станка. Те самые, уникальные, которые ты считал своими идеями. Оригинал. Бумажный. С моими пометками и датами. Ты забыл, что я технолог, а не просто жена.

Артур перестал смотреть на гостей. Вика убрала салфетку от губ; улыбаться ей теперь было нечем.

— Ты блефуешь, — прошипел он, подавшись ко мне. До соседей за столом эта реплика уже не долетела. А про платье слышал весь зал.

— Попробуй найти их, — улыбнулась я одними губами. — Но имей в виду, я знаю, где они. И я знаю, кому ты планировал их продать.

Артур потянулся к документу, потом убрал руку. Значит, бумажных черновиков он не нашёл. Хоть что-то осталось вне его досягаемости. За эти чертежи он рассчитывал выручить больше, чем стоила наша квартира; сейчас я видела, как он прикидывает, сколько потеряет без меня.

Встав, я стиснула вилку и только у самого края стола разжала пальцы. Он мог отнять платье. Но заставить меня подписать эту бумагу — уже нет.

— Забирай свое платье, — бросила я, стягивая его через голову. Ткань соскользнула, оставляя меня в тонком шелковом белье цвета слоновой кости. Холод пронзил кожу, мурашки побежали по рукам. Я сбросила туфли. Босые ноги ступили на холодный кафель пола. — Но ключи от студии я тебе не отдам. И чертежи ты не получишь даром.

Я прошла сквозь зал. Никто не решился остановить меня. Я смотрела на выход и заставляла себя шагать, а не бежать. Пусть хотя бы последнюю минуту видят меня со спины. Я вышла из ресторана в ночь.

Февральский ветер ударил в лицо, как физическая пощечина. Мороз обжег ступни, впился в бедра, проник под тонкую ткань белья. Я шла по парковке, оставляя на снегу влажные следы. Зубы начинали стучать, тело трясло от холода и адреналина. Дом был заперт, пальто осталось в гардеробе, кольцо — на столе. Сейчас мне нужен был не ответ на вопрос, как жить дальше, а хотя бы коврик под босые ноги.

Перед глазами поплыли красные пятна. Колени подгиба-

лись. Я упала бы, если бы не увидела фары.

Черный внедорожник резко затормозил в пяти метрах от меня, подняв облако снега. Стекло опустилось с электронным гулом. Внутри было тепло, пахло кожей и дорогим табаком.

— Вы хотите жить или мстить? — спросил низкий, бархатный голос.

Я подняла голову. В полумраке салона я видела только профиль мужчины и сигарету, тлеющую в уголке рта.

— Садитесь, — добавил он. Я потянулась к ручке: спорить, стоя босиком на снегу, не получалось. Имя он назвал уже в тепле — Игорь Соловьёв. На мои вопросы ответил коротко: сейчас вернёт вещи из гардероба, а об остальном поговорим, когда я отогреюсь. Мне нужны были пальто, сумка, туфли и ключи от «Рено», не новый хозяин. Получив их, я попросила высадить меня у дома.

Глава 2

Минус пятнадцать. Нос заложило, и каждый вдох ртом сушит горло. Дома я первым делом поставила бы чайник. Если попаду домой. Я стою в холле нашего подъезда перед дверью квартиры — вернее, перед тем местом, где раньше была наша жизнь. Пять лет. Пять лет я ходила по этому линолеуму, протирая его тряпкой с запахом лимона и хлорки, чтобы Галине Петровне было приятно дышать. А теперь мои пальцы в тонких перчатках судорожно тычут ключом в скважину.

Не входит.

Я прикладываю усилие, чувствую, как металл царапает кожу кончика большого пальца, но замок даже не щелкает. Цилиндр новый, ключ входит лишь наполовину. Артур любит такие замки, чтобы никто без него не разобрался. Я стою перед собственной дверью и пытаюсь понять, когда успел приехать слесарь. Пока мы слушали тосты? Или ещё до ресторана всё было готово?

— Ну же, — шепчу я себе под нос, чувствуя, как внутри поднимается волна тошноты. — Откройся.

Жму кнопку звонка рядом с табличкой «42». Долгие гудки. Прижимаюсь ухом к двери: телевизора не слышно, шагов тоже. Нажимаю ещё раз и держу кнопку. Пусть звонит, пока кто-нибудь не встанет. Там мой паспорт. Мне нужен хотя бы он.

Лифт открывается со скрежетом. Оттуда выходит баба Нюра, соседка сверху, с мусорным пакетом в руках. Она всегда пахла борщом и дешевым табаком, а сейчас она при виде меня придерживает пакет обеими руками.

— Нюрочка, — голос срывается. Я делаю шаг к ней, хватая за рукав её пуховика. — Позови Галину Петровну. Она тебя послушает. Мне нужно забрать паспорт. Только паспорт. Артур... мы поссорились, он ошибся с замками.

Баба Нюра отдергивает руку так, будто я обожгла её. Она смотрит на меня снизу вверх, и в её глазах нет жалости. Она отряхивает рукав там, где я его держала, и губы у неё кривятся. Я отступаю. По этому жесту уже понятно, что просить придётся заново.

— Ты чего орешь? — шипит она, озираясь. — Галина Петровна сказала: если ты тут ошиваешься, полицию вызовем. Ты теперь никто, Марина. Поняла? Никто. Уходи, пока не навлекла беды.

Она быстро выходит во двор, хлопнув входной дверью так сильно, что у меня звенит в ушах. «Никто». А раньше она просила меня занести ей заказ из аптеки. Я знала её десять лет. Носила сумки, чинила застёжку на её янтарном кулоне. Теперь она не могла даже подержать для меня дверь.

Дверь лифта снова открывается. На этот раз оттуда выходит не женщина с пакетами, а мужчина. Высокий, широкий в плечах, в форме ЧОПа с нашивкой «Барьер». Он смотрит на дверь квартиры, потом на мой ключ. Видно, ему объяс-

нили заранее, кого не впускать. Он останавливается поперёк прохода.

— Что здесь происходит? — спрашивает он басом и протягивает ладонь к моему ключу. Я прячу его в кулаке.

— Я живу здесь, — говорю я, выпрямляя спину, хотя ноги дрожат от холода и злости. — Ключ не подходит. Позвоните хозяину.

— Хозяина нет, — отвечает охранник. Он делает шаг ко мне. — Есть распоряжение никого не впускать. А вас особенно. Уходите.

— Вы не имеете права! — я пытаюсь проскользнуть мимо него к двери студии, которая находится на первом этаже этого же дома. Там мои инструменты. До двери всего три шага.

Но он оказывается быстрее. Крепкая рука хватает меня за плечо, грубо разворачивает к стене. Спина ударяется о кафель с неприятным хрустом. Лопатку больно придавило, зубы стукнули друг о друга. Охранник давит предплечьем мне на грудь, блокируя дыхание. Я чувствую запах дешевой мужской воды, смешанный с потом и табаком. От этого запаха хочется отвернуть лицо, но затылок упирается в стену. Воздуха не хватает; я пробую протолкнуть палец под его предплечье.

— Дыши глубже, гражданка, — цедит он сквозь зубы, глядя прямо в глаза. Он даже не повышает голос. Меня держит, как дверь, которую надо прижать. Он советует дышать и одновременно давит сильнее. Если бы я сейчас уронила ключ,

он бы, наверное, велел ещё и поднять.

В этот момент скрипит дверь за спиной охранника. Цепочка звенит. Щель раскрывается, и в ней появляется лицо Галины Петровны. Идеальная прическа, нарисованные карандашом брови, помада цвета крови. Помаду она успела поправить. Я почему-то цепляюсь взглядом именно за неё: у свекрови всё на месте, даже причёска. Моя жизнь за дверью тоже, выходит, никому не мешает.

— Марина, — её голос мягкий, почти материнский. Так она говорила со мной, когда я варила ей суп, когда гладила её рубашки, когда терпела унижения Артура. — Уходи.

— Верни документы! — кричу я, пытаясь высвободиться из хватки охранника, но тот держит мертвой хваткой. — Чертежи станка! Мой паспорт!

Галина Петровна чуть склоняет голову набок.

— Твои бумаги мы сожгли, деточка. В камине. Было тепло. А если будешь шуметь... — она поправляет прядь волос, — я скажу участковому, что у тебя нервный срыв. Что ты наркоманка и пытаешься ограбить нас. У тебя же были проблемы, правда? Все видели, как ты истеришь в ресторане.

Я цепляюсь за слово «бумаги». Оригиналы? В папках были даты за десять лет. Она хотя бы знает, что сожгла? Они превратили мою интеллектуальную собственность в пепел ради того, чтобы я молчала? Ради того, чтобы я выглядела сумасшедшей?

— Ты лжешь, — выдыхаю я, чувствуя, как слезы стыда

жгут щеки. Сквозняк из открытой подъездной двери пробрался под пальто, и я начала дрожать всем телом.

— Охранник, уведите эту женщину, — приказывает Галина Петровна, не повышая голоса. — Иначе я вызываю наряд.

Галина Петровна уже поворачивалась к телефону. Если вызовет полицию, я так и останусь прижатой к этой стене, пока она будет рассказывать про мой «срыв». Мне нужно добраться до машины. Оттуда я ещё смогу вернуть своё.

Я резко дергаюсь, используя последний запас сил, и охранник, удивленный моей реакцией, ослабляет хватку. Я выскальзываю из его рук, толкаю его плечом и бегу. Каблуки стучат по бетону двора, я слышу только этот стук, пока добегаю до машины. Я спотыкаюсь о неровность асфальта, едва не падая лицом в снег, но продолжаю бежать. За мной никто не бежит. За дверь меня выставили. Дальше могу бежать куда захочу.

Машина стоит там же, где я оставила её полчаса назад. Старый серый «Рено», единственная вещь, которую Артур не стал трогать. Зачем ему эта рухлядь? Он знал, что без документов на право собственности я не смогу её продать. Но я надеялась, что смогу уехать. Просто уехать. Куда угодно. Подальше от их глаз, от их лжи.

Я ныряю в салон, захлопываю дверь. Внутри темно и холодно. Повернула ключ зажигания. Двигатель чихнул, закашлялся и умер. Аккумулятор сдох от мороза и простоя. Я

поворачиваю ключ еще раз. И еще. Тишина. Только тиканье остывающего металла.

Выхожу. Пытаюсь завести с толчка. Одна. Выключаю передачу, снимаю ручник и упираюсь в стойку открытой водительской двери. На ровном дворе машина едва ползёт. Пока я прыгаю за руль и включаю вторую, она уже останавливается. Повторяю — и снова не успеваю. Ставлю ручник: ещё не хватало пустить её в чужой бампер. Прохожие проходят мимо. Женщина с коляской обходит меня стороной, мужчина в дорогом пальто ускоряет шаг.

— Помогите толкнуть! — кричу я ему.

Он прибавляет шагу. Ещё несколько секунд смотрю ему вслед, потом захлопываю дверь машины. Пусть хоть вздрогнет.

Раньше Артур решал такие проблемы. Он звонил друзьям, вызывал такси, ругался с сервисменами. В телефонной книге полно людей. Прокручиваю имена: вот этот приезжал на шашлыки к Артуру, с этим мы встречались на выставке. Открываю контакт — и возвращаюсь к списку. Начнут расспрашивать про мужа, а у меня зубы стучат, я даже объяснить толком не смогу. Мне нужен хоть один человек, который возьмёт трубку без его разрешения.

Я возвращаюсь в машину, потому что снаружи становится невыносимо. Зубы стучат так сильно, что боюсь откусить язык. Руки окоченели, они не слушаются. Я сижу на водительском сиденье, свернувшись калачиком, и смотрю в ло-

бовое стекло. Дворники примерзли в поднятом положении. Даже их сейчас не опустить.

И тогда я вижу тень.

Она медленно приближается к водительской двери. Высокая, широкая. Я поднимаю голову, щурясь от слез и холода. За стеклом стоит человек. Я не вижу лица, только силуэт в длинном пальто.

Сердце пропускает удар. Охранник? Полиция? Артур вернулся добить меня?

Человек стоит так близко, что за его пальто я больше не вижу двор. Жду стука в стекло, но он наклоняется и разглядывает моё заплаканное лицо. Его серые глаза задерживаются на губах; я стискиваю зубы, пытаясь унять их стук. Я узнаю его мгновенно. Игорь Валентинович. Тогда он вернул мне пальто, а теперь стоял и смотрел, как я мёрзну. Чего ещё ему от меня нужно?

Он достает телефон. Экран вспыхивает синим светом в темноте зимнего вечера. Щелчок камеры. Он фотографирует меня. На снимке останется лицо с красным носом. Удалить мне его не дадут.

Я хочу отвернуться, закрыть лицо руками, но не могу. Я не могу оторваться от сиденья. Он обещал поговорить, когда я отогреюсь; теперь снимает меня на телефон. Для кого эта фотография? Я крепче сжимаю ключи — пусть попробует открыть дверь без спроса.

Игорь убирает телефон в карман и указывает на окно. Я

опускаю стекло ручкой своей двери. Всего на пару сантиметров. Морозный воздух врывается в салон, смешиваясь с моим горячим дыханием.

Его голос низкий, бархатистый, и в нем нет ни капли тепла.

— Замерзла?

Глава 3

Игорь уехал, оставив меня мёрзнуть. За три ночи аккумулятор сдох окончательно.

Я крутила ключ в замке зажигания до посинения костяшек, пока не поняла: бесполезно. Стартер едва проворачивался; у меня сил было не больше. Изнутри стекло побелело, и улицу пришлось разглядывать сквозь протёртый рукавом кружок. Дышала в перчатки; кончики пальцев едва отходили и тут же снова немели. Даже ключ больно было держать. Я спрятала его под бедро, чтобы хоть немного согреть перед следующей попыткой.

В бардачке лежала папка «Развод». От него мне досталась папка. Пришлось взять: там хотя бы копии. Свидетельство о браке, договор аренды студии, копия соглашения о совместной деятельности. Артур вчера отдал папку у подъезда — через охранника, как подачку. Подпись в копии походила на мою, а пункт про «главу семьи» я видела впервые. Нельзя было уничтожать единственное, что могло его выдать. Бумага горит хорошо. Но договор я не трону.

Я достала зажигалку. Щелчок. Огонь дрогнул в ледяном воздухе. Договор убрала обратно в папку. Поднесла огонь к ненужной квитанции. Бумага схватилась, зашипела, превращаясь в оранжевые язычки пламени. Я кидала обгоревшие клочки в жестяную пепельницу по одному, приоткрыв окно.

Фотографии нашего отпуска. Квитанции за ремонт кухни. Всё то, что он называл «общей историей», теперь становилось дровами для моей личной печки.

Над пепельницей чуть потеплели пальцы. В салоне теплее не стало; только дым лез в глаза. Я прижалась щекой к стеклу, наблюдая, как синие вспышки патрульной машины ДПС метут снег по обочине. Они кружили уже полчаса. Фары снова прошли по моему окну. Они меня заметили или просто развернулись на этом пятачке? Если они увидят дым из окна, это конец. Эвакуатор, штраф, протокол. А может, и статья за хулиганство. Артур бы только обрадовался. Он любит, когда я теряю лицо.

Телефон завибрировал в кармане куртки. Пять процентов. Вчера я бы даже не обратила внимания. Сейчас присмотрелась, не четыре ли уже.

SMS от Артура: «Если ты не вернешь ключи от студии до утра, я заявлю в полицию, что ты угнала машину. Ты знаешь, что я могу это доказать».

Я перечитала угрозу. Меня мутило; даже через экран он достал. До чего же наглый. Даже машину теперь решил приписать себе. Машина записана на маму. Маму, которую он презирал всю жизнь, называя «бабкой с совковой психикой». У мамы документы, у Артура знакомые. Прежде я возмущалась бы его наглостью. Теперь прикидывала, сколько времени уйдёт на объяснения и кто пустит меня погреться, пока они будут звонить владельцу машины. Я не могла сидеть

здесь и ждать, пока меня найдут.

Вышла наружу. Воздух ударил в лицо, как мокрая тряпка. -25. Кафель подъезда, где я пересидела часть первой ночи после скандала, казался роскошью по сравнению с этим асфальтом. Я побрела вдоль трассы, шаркая ногами. Пальцы ног онемели так сильно, что я перестала чувствовать подошвы. Каждые десять шагов — пауза. Глоток воздуха. Шаг. Глоток.

Кафе «Уют» работало круглосуточно. В вывеске потрескивала лампа. Главное, дверь открыта. Внутри пахло жареным луком и старым жиром. Я бы села хоть под вытяжку — только бы пустили. Я прошла к стойке, оставляя за собой лужицу талого снега.

— Чай, — мой голос сорвался в шипение. — Горячий. Сахар. Много.

Официантка, женщина лет пятидесяти с глазами цвета грязного льда, даже не подняла головы от телефона.

— Минимальный заказ — двести рублей. Еда обязательна.

— У меня нет денег, — сказала я тихо.

Она наконец посмотрела на меня. Взгляд скользнул по моим растрёпанным волосам, по пятнам грязи на джинсах, по тому, как мелко дрожали мои руки. Она задержала взгляд на грязном колене. Я прикрыла его ладонью — и сразу стало стыдно за этот жест. Как будто дело в пятне, а не в двухстах рублях.

— Тогда выходите. Вы пугаете клиентов.

— Она платит.

Голос был низким, хриплым. Я обернулась. За соседним столиком сидел мужчина в потертых джинсах и толстом свитере. Таксист, судя по жилету, брошенному на спинку стула. Иван. Я видела его раньше, когда он забирал пассажиров у нашей студии. Когда он приезжал к студии, не перебивал меня вопросами к Артуру. Ждал, пока я объясню, куда отвезти заказ. И сейчас подвинул стул без вопроса, где мой муж. За одно это я могла бы расплакаться.

Он молча положил на стол купюру, взял мою руку (мои пальцы были как ледышки) и потянул вниз, заставляя сесть.

— Садись. Чай будет через минуту.

Официантка закатила глаза, но купюру забрала. Через две минуты передо мной стояла кружка чая, пахнувшая бергамотом; от неё можно было согреть ладони. Рядом — бутерброд с колбасой и сыром.

Я пила маленькими глотками, боясь обжечь онемевшие губы. Иван сидел напротив и листал новости. Время от времени пододвигал ко мне сахарницу, словно замечал, что пальцы ещё не слушаются. Когда я закончила чай, он заметил:

— Янтарь.

— Что?

— На твоей куртке. Слева, на рукаве. Пыль. Специфический запах. Ты работаешь с ним?

Я замерла. Это было единственное, что связывало меня с прежней жизнью. Пыль въелась и не отстирывалась. Хоть её он у меня не забрал.

— Работала, — ответила я.

Иван кивнул. Я потёрла рукав: незачем разглядывать мою пыль.

— Хреновая погода для тех, кто без дома. И без машины.

— Есть куда пойти? — спросила я, ненавидя себя за эту слабость. За то, что прошу помощи.

— У меня есть номер диспетчерской, — сказал он, записывая номер на салфетке. «Если надо запустить машину, тоже звони. У меня провода в багажнике», — добавил он и оставил рядом пауэрбанк с кабелем: «Заряди телефон хотя бы». На салфетке осталось одиннадцать цифр. — Твои клиенты часто бывают в баре «Гранат». Там же тусуются те, кому нужны твои чертежи. Если хочешь знать, кто их купил, звони.

Он встал, оставил салфетку на столе и ушел, хлопнув дверью. Мороз ворвался внутрь, смешавшись с запахом кофе. Я смотрела на цифры. На салфетке остался жирный отпечаток моего пальца. Я сложила её надвое и сунула к телефону. Позвонить — не значит сразу согласиться на всё. Нужно хотя бы узнать, куда делись мои бумаги.

Ночь тянулась в машине. Я дремала по несколько минут, закутавшись в пальто поверх куртки, и снова просыпалась от холода. Телефон разрядился окончательно. Утром я позво-

нила Ивану с автомата на автовокзале.

— Бар «Гранат», — сказал он сразу, узнав мой голос. — Вчера вечером там был твой бывший. Артур. С блондинкой. Викой.

— Знаю.

— Они шумели. Хвастались. Говорили, что «птичка в клетке», а «ключи от клетки» у него в кармане. Потом к ним вышел мужик. Дорогой костюм, чёрный мерседес с тонировкой. Забрал папку. Артур передал ему файл.

— Какой файл?

— Не знаю названия. Но Артур сказал: «Станок готов. Марина не знает, где оригинал. Это просто копия». Мужик усмехнулся и сказал: «Пусть знает. Чем меньше она понимает, тем быстрее подпишет передачу прав».

Кровь отхлынула от лица. Игорь Валентинович? Иван не назвал имени, но описал ту же машину, в которой я грелась после ресторана. Если покупатель — он, то помощь на парковке слишком хорошо совпала с продажей. Я не знала, что именно видел Иван. Надо было самой добраться до «Граната», прежде чем предъявлять кому-то обвинения.

Глава 4

Автобус довёз меня до центра Калининграда. Я шла пешком, считая шаги. Бар «Гранат» находился в подвале старого кирпичного здания. Вход со двора. Я спряталась за контейнерами для мусора, чувствуя запах гнили и мокрых картонных коробок.

Дверь открылась. Вышли они. Артур и Вика.

Артур выглядел сытым. Его пальто было расстегнуто, демонстрируя дорогой шарф. Вика висела у него на руке, смеясь чему-то. Она была красивой, стерильной, как витрина бутика. Ногти у неё не сломаны. Пальцы я помнила по клавишам телефона: станок она ими не трогала.

— ...ты уверен, что она не придёт? — услышала я голос Вики.

— Пусть приходит, — ответил Артур, прикуривая сигарету. — Без документов она никто. Я заблокировал её доступ к серверу. Она не сможет даже показать чертежи потенциальным инвесторам. А без инвестиций ей нечем платить юристам. К концу недели она либо сдастся, либо сгниёт в этой своей машине.

Он прикрыл рот ладонью и зевнул. Пока я считаю оставшиеся проценты батареи, ему даже говорить обо мне скучно.

Мои руки сжимались в кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони. Хоть бы выйти и стащить с него шарф. За-

ставить тоже постоять на морозе. Я сжала пальцы и осталась за баком. Но я понимала: это будет самоубийство. Он вызовет охрану. Полиция арестует меня за нападение. И всё. Конец истории.

Я достала телефон. Экран погас. Нет. Пауэрбанк. Иван оставил его вчера вместе с салфеткой; я так и не подключила кабель, боясь просить ещё и о помощи с машиной. Я подключила провод. Экран ожил. 10%. Достаточно.

Пока Вика садилась в чёрный «Лексус» Артура, я успела сделать фото через открытую заднюю дверь. На сиденье было видно, как небрежно брошенная рядом с сумочкой Вики лежит та самая папка. Коричневый картон, перевязанный красной тесьмой. Моё наследие. Мои годы работы.

Машина тронулась. Я осталась стоять среди мусорных баков, чувствуя, как ветер продувает куртку насквозь. Пальцы всё ещё плохо слушались. Зато фотография не расплылась: красную тесьму можно было различить. Они не всё сожгли, как сказала его мать.

Телефон снова завибрировал. Сообщение от неизвестного номера. Но я знала, кто это.

«Марина. Я видел, что ты была у бара. Ты получила то, что нужно?»

Игорь.

«Да», — написала я дрожащими пальцами.

«Приезжай ко мне сегодня в 18:00. Адрес пришлю. Если опоздаешь — останешься в своей машине и замерзнешь

окончательно. Выбор за тобой».

Я посмотрела на экран. Даже про замерзнуть написал без опечаток. Торопиться ему некуда. Он знал про Ивана. Он знал про папку. Он хотел получить мою фотографию папки раньше, чем я пойму, зачем она нужна ему. Но снимок пока у меня. За чай я благодарна Ивану, а этому ничего не должна.

Я улыбнулась. Впервые за три дня. Зубы стучали, и улыбка получилась кривой. Пусть думают, что я им поверила. Но фотографию я сохранила в двух местах.

У машины меня ждал Иван. Я всё-таки позвонила ему перед возвращением к «Рено». Он подключил провода к аккумулятору такси, и только тогда мой двигатель завёлся. Я подержала мотор на оборотах, пока из печки не пошёл тёплый воздух. Иван убрал провода и напомнил: «Сразу не глуши».

Газ в пол. Колеса провернулись в снегу, цепляясь за асфальт. Адрес был в телефоне. Я выехала на дорогу: он получит фотографию, когда ответит на мои вопросы.

Пусть теперь ждёт.

Ветер в Калининграде пахнет солью, гниющими водорослями и чьим-то дорогим парфюмом. Я стояла перед стеклянными дверями бизнес-центра «Балтика», чувствуя, как холод пробирается сквозь тонкую ткань куртки, которую я нашла на заднем сиденье машины ещё в первую ночь. Она была мне велика; от манжет пахло бензином, пальцы цеплялись за разошедшийся шов.

Охранник — здоровенный парень, которому до моей

куртки нет дела, — преградил путь. Его рука легла на пояс, блокируя доступ к турникету.

— Пропуск? — он уже протянул ладонь, не сомневаясь, что я подчинюсь. В его глазах читалось привычное презрение к тем, кто не носит костюмы за две тысячи евро.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы были синеватыми от холода, под ногтями въелась грязь из гаражного замка. Хотелось отступить и переждать хотя бы у двери, где не так дуло. Я заставила себя назвать имя. Если Игорь назначил время, охранник может ему позвонить. Для этого мне необязательно выглядеть дороже.

— Свяжись с секретариатом Игоря Валентиновича Соловьева, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить четко, глядя охраннику прямо в переносицу. — Передай, что Марина Волкова пришла по поводу договора о совместной деятельности. И добавь слово «подделка». Если через пять минут меня не впустят, я начну кричать так, чтобы услышал весь этаж, включая юристов твоего работодателя. А им, поверь, лишнее внимание прессы сейчас ни к чему.

Со словом «подделка» ему уже пришлось что-то делать. Охранник помрачнел, потянулся к рации. Сняла перчатку, приготовив телефон: пять минут я теперь тоже буду считать, не только он.

Лифт поднялся на двадцать третий этаж беззвучно, оставляя лишь гул в ушах. Двери раскрылись в холл, залитый стерильным белым светом. В холле меня заметили сразу. Груп-

па сотрудников — трое мужчин в идеально сидящих пиджаках и женщина с блузкой цвета слоновой кости — замерли, увидев меня. Я знала их лица. Не лично, но по фотографиям в соцсетях компании. Это был костяк отдела продаж.

Первая реплика донеслась от женщины:

— Это же жена Артура...

— Та самая, которую он выставил...

— Говорят, она теперь никто. Ни гроша за душой.

Стыд обжег щеки. Хотелось сжаться, стать меньше, исчезнуть в этих безупречных интерьерах. Артур всегда говорил: «Марина, ты слишком громко дышишь, когда нервничаешь». Сейчас я чувствовала, как сердце колотится так, что вот-вот выскочит из груди. Но я вспомнила холодную спинку сиденья, на которой пыталась уснуть прошлой ночью, и лопатку, ещё болевшую после встречи с охранником.

Я выпрямила спину. Подбородок вверх. На больной лопатке натянулась ткань. Я прошла мимо них медленно, смотрела каждому в глаза долго, мучительно долго, пока они не начинали нервно отводить взгляд первыми. Я не улыбалась. Я просто шла. К последнему шагу уже хотелось обернуться и спросить, чем именно они гордятся. Не стала: кабинет был важнее этих четверых.

Приемная Игоря Соловьева встретила меня тишиной и запахом свежеобжаренного кофе. Секретарь — мужчина лет сорока с аккуратной бородкой — даже не поднял головы от монитора. Я задержалась перед столом, заставляя его обра-

титься ко мне.

— Игорь Валентинович занят, — произнес он, всё ещё глядя в монитор. Я так и осталась стоять. — Записей нет. Ожидайте в зоне ресепшн или уходите.

Он кивнул на кофейный аппарат и фарфоровые чашки у стены. Пить кофе, пока меня держат за дверью, хотелось меньше всего. Мне хотелось плюнуть в эту чашку. Вместо этого я достала из кармана мятую визитку Артура. Она завалялась в кошельке со старого заказа.

Я положила её поверх стопки документов секретаря. Медленно. Чтобы он заметил.

— Скажите ему, что оригиналы чертежей станка «Аврора» находятся там, где он думает, их нет. И что я знаю, кто купил копию три года назад.

Секретарь поднял голову, посмотрел на визитку, потом на меня. Я выдержала его взгляд: теперь он слушал. Он схватил трубку внутреннего телефона, набрал номер и сказал одно слово: «Волкова». Потом слушал. Кивнул. Положил трубку.

— Проходите. Второй кабинет слева.

Но Игорь вышел не один. Дверь кабинета распахнулась раньше, чем я успела сделать шаг навстречу. Он появился в сопровождении двух юристов — оба выше меня и оба заняты только своей беседой. Они обсуждали дело вслух, игнорируя мое присутствие полностью.

— ...если мы затянем процесс еще на месяц, активы уйдут через офшор, — говорил один из юристов, глядя в планшет.

— Артур не станет тянуть время. Он труслив, — ответил другой, проходя мимо меня так близко, что я почувствовала запах его дешевого одеколона и табака.

Игорь молчал. Он шел чуть позади, и я видела только его профиль: тяжелая челюсть, прямой нос, серые глаза, которые сейчас были опущены вниз, изучая документы. Он видел меня: на секунду задержал взгляд на куртке. Потом опять уткнулся в документы. Хорошо, я подожду, пока кончат говорить. Но делать вид, что меня здесь нет, ему недолго осталось.

Меня начало трясти от бессилия. Сколько можно ждать? Сколько можно терпеть это высокомерие? Я уже готова была развернуться и уйти, хлопнув дверью, но взгляд упал на запястье Игоря.

Глава 5

На его руке были часы. Ретроградные механические «Patek Philippe», редкая модель. Но не цена привлекала внимание. На сапфировом стекле зияла тонкая, почти невидимая трещина, идущая от центра к краю циферблата.

Мир вокруг качнулся. Три года назад. Выставка ювелирных технологий в Москве. Я тогда еще была женой Артура, помогала ему оформлять стенд. К нашему столу подошел человек в темном пальто. Он купил черновики патента на огранку, которые Артур называл «мусором». Я запомнила лицо этого человека только потому, что он случайно толкнул меня локтем, и я увидела эти самые часы. Тот же дефект стекла. Та же форма корпуса.

Я смотрела на трещину. Человек, который покупал краденое у моего мужа, стоит прямо передо мной. И знает, где я его видела. Захотелось отодвинуться, но я ждала, пока уйдут юристы.

Юристы удалились. Игорь закрыл дверь кабинета. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

В комнате было темно, только свет панорамного окна очерчивал силуэт мужчины, стоящего спиной ко мне. Он не обернулся сразу.

— Ты выглядишь плохо, Марина, — его голос был низким, бархатистым, но от этого еще более пугающим. —

Сколько часов ты спала в машине? Три? Четыре? У тебя переохлаждение. Я вижу это по тому, как дрожат твои плечи.

Он повернулся. В руках держал сложенную мужскую рубашку белого цвета.

— Там душ. Чистая вода. Эта одежда... она тебе не подходит. Надень рубашку. Ты будешь выглядеть достойно моей компании.

«Достойно моей компании». Даже рубашку он предлагал так, будто я уже числилась в его собственности. Я не хотела соглашаться на это, но смотрела на чистую ткань слишком долго. Я уже представила, как сниму куртку и подставлю спину горячей воде. Даже больную лопатку отпустит. Потом можно упасть в кресло, закрыть глаза. Пусть он решает всё за меня — хоть на час.

Но я вспомнила, как Артур дарил мне цветы, чтобы загладить вину за измену. Как он говорил: «Ты ничего не можешь без меня».

— Мне не нужна ваша рубашка, Игорь Валентинович, — сказала я, и голос прозвучал тверже, чем я ожидала. — И мне не нужен ваш душ. Я пришла работать. Покажите мне бумаги. Оригиналы договора, который Артур передал вам. Где они?

Игорь усмехнулся. Я уже слышала эту усмешку у машины; сейчас она бесила ещё сильнее. Тепло есть, бумаги есть, а мне по-прежнему предлагают быть благодарной.

— Ты упрямая. Как тот старый пес во дворе моего детства.

Он обошел стол и подошел ко мне. Слишком близко. Я почувствовала запах сандала и кожи. Его тень накрыла меня целиком. Отступить, не задев стол, не получалось.

— Я знаю про твою ночевку в машине, — прошептал он мне в ухо. От его дыхания у меня побежали мурашки, но я не отшатнулась. — Я знаю, как ты плакала в подушку, когда он забрал ключи. Я видел записи камер наблюдения у подъезда.

Страх сдавил горло. Это ловушка. Запертая дверь, высокое окно за столом, до которого я бы всё равно не добралась. Он мог сделать со мной что угодно, и никто не узнает. Повернуться к двери хотелось сильнее, чем ещё минуту назад.

Но вместо того чтобы закричать, я сделала вдох. Глубокий, стараясь не вдохнуть дым у его воротника. Я подняла глаза и посмотрела прямо в его зрачки. Он ждал, что я скажу дальше. Я тоже ждала — пока отодвинется. Не дождалась и заговорила, упершись ладонью в край стола.

— Если вы хотите меня сломать, у вас уже есть все козыри, — произнесла я тихо, почти беззвучно, но каждое слово резало тишину. — Но если вы хотите купить мой талант, перестаньте играть в игры и покажите мне бумагу. Я не нуждаюсь в жалости. Я нуждаюсь в справедливости.

Игорь замер. На секунду в его лице мелькнуло что-то похожее на уважение. Потом он отвернулся, подошел к сейфу и достал плотную картонную папку.

— Ты думаешь, это о деньгах? — спросил он, кладя папку на стол между нами. — Открой.

Я открыла. Внутри не было чертежей. Не было договоров.

Сверху лежала фотография. Я на выставке год назад. Улыбающаяся, уверенная в себе, в дорогом платье, которое мне подарил Артур. Дата на обороте. Место встречи. И адрес ресторана, где я ужинала с человеком в темном пальто. Тем самым, с треснутыми часами.

Второй документ — распечатка телефонных переговоров. Голос Артура. Слова: «Купец готов заплатить вдвое больше. Но только если она не сунет нос в архивы».

Третий лист — выписка из банка. Транзакция. Покупка долга Марины Волковой. Инициатор платежа: ООО «Северный ветер». Конечный бенефициар: Игорь Соловьев.

Я прижала выписку к столу. Вот почему он следил за мной и появился у ресторана. Долг куплен; теперь можно диктовать. Артур был приманкой для настоящего вора. А меня Игорь подбирал уже с готовым расчётом.

Игорь не предлагал мне ни любви, ни брака. Он покупал участие в своей операции. Я — часть его многолетнего плана. Ключ к двери, за которой прячется конкурент, укравший технологии, которые принесли ему состояние. Артур продал чертежи, думая, что делает сделку века. А Игорь знал об этом. Он позволил этому случиться, чтобы получить законные основания для уничтожения бизнеса конкурента через судебный иск о промышленном шпионаже. Для доказательств ему нужны были мои знания и моя подпись.

Дату банковского перевода я перечитала дважды. Он по-

лучил право требовать с меня деньги ещё до ночи в ресторане. Я тогда выбирала серьги к платью. Он уже выбирал, где подойти ко мне.

Я перевернула страницу. Теперь могу читать. На чьи деньги он собирался судиться? На его. Кто предоставит юристов? Он же. Без моей подписи автора эти расходы ему ничего не принесут. Артур потерял всё, потому что был слаб и алчен. Я поищу в договоре, что получаю сама.

Пальцы всё ещё дрожали. Я придержала лист обеими руками, чтобы прочесть до конца. Азарт мешал: хотелось уже вписать свои условия.

Впервые за эти дни я улыбнулась без усилия. Он принял мою улыбку за согласие и сразу потянулся к договору. Рано. Я ещё не прочитала, сколько будет стоить его помощь.

— Значит, мы партнеры, — сказала я, глядя ему в глаза. — Но условия диктую я.

Игорь посмотрел на меня долго. Потом протянул контракт. Бумага была тяжелой, дорогой.

— Подпись нужна завтра утром, в девять. У тебя есть ночь, чтобы подумать, Марина. Или чтобы найти другой угол для машины.

Он развернулся спиной, давая понять, что разговор окончен.

Я взяла контракт. Ткань рубашки, которую он оставил на стуле, манила теплом. Но я вышла из кабинета, не оглядываясь.

Завтра я выясню, что он хочет получить за эту подпись. Без прочитанного договора в его игру я больше не вступлю. И Артуру, сидящему сейчас в своей новой квартире с Викой, стоит бояться не меня. Стоит бояться того, кем я стану рядом с этим человеком.

Кабинет Игоря Валентиновича пах дорогим табаком и холодным бетоном. Он оставил мне вчерашний стул у окна. Рубашка исчезла; на её месте лежала папка. Хорошо, без переодеваний хотя бы быстрее дойдём до дела. Я стояла у окна, ждала, когда он перестанет смотреть и наконец заговорит. За стеклом шумел Калининград, серый и мокрый от февральского дождя. После каждого щелчка готовилась заговорить.

— Время, Марина, — Игорь говорил так низко, что я невольно прислушалась. Он даже не поднял глаз от ноутбука. — Либо чертежи сегодня, либо я аннулирую защиту. Ты знаешь, что клиенты Артура уже начали звонить. «Красный Янтарь» не прощает убытков. А ты теперь для них — источник проблемы.

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони до боли. Это была ловушка. Игорь знал, что я боюсь не тюрьмы, а позора и потери лица. Но я не собиралась сдаваться без боя. Всю ночь я перебирала один вариант: показать файлы, не отдав права. Теперь он сидел передо мной, и заготовленные слова вдруг звучали жалко. Всё равно надо было их произнести.

— Я не могу отдать оригиналы, Игорь Валентинович. Без описи и условий возврата я их никому не передам, к тому

же... — пришлось перевести дыхание: до условия я ещё не добралась. — Но я готова предоставить цифровую копию. С водяными знаками. Если они нужны вам для доказательства факта кражи перед конкурентами, этого хватит. Вы получите подтверждение, а я сохраню контроль над интеллектуальной собственностью. Компромисс?

Игорь медленно повернулся на стуле. Он прищурился на слове «копия». Плохо: на оригинал рассчитывал. А я именно его не собиралась отдавать.

— Компромисс, — повторил он слово так, будто оно имело привкус тухлой рыбы. — Ты думаешь, я играю в песочнице, Марина?

Глава 6

Он щелкнул мышью, развернув экран ноутбука ко мне. На мониторе открылась переписка в мессенджере. Имена контактов были закрыты, но аватарка Вики — её самодовольное лицо с идеальными бровями — узнавалась мгновенно.

«Юрист говорит, что если она принесет "грязную" копию или откажется от передачи прав, мы активируем план Б. Подложные документы о том, что станок был куплен ею нелегально еще до брака. Подберём обвинение. Срок реальный. Она подпишет. Ей некуда идти.»

Дата сообщения — три часа назад.

Я перечитала сообщение до конца, потом вернулась к словам «подложные документы». Они даже не прятали намерения. Пока я думала, как доказать, что чертежи мои, они собирались доказать, что я их украла. Пришлось упереться ладонью в стол: иначе заметили бы, как меня качнуло. Водяные знаки не спасали от подлога. Они собирались выдать мои файлы за краденые, а подпись потребовать прежде, чем я успею доказать авторство.

— Ты видел это раньше, чем я вошла сюда? — мой голос дрогнул, предательски сорвавшись на шепот.

— Я вижу всё, — спокойно ответил Игорь. — Вопрос не в том, что ты можешь предложить, Марина. Вопрос в том, сколько времени у тебя осталось, пока эти юристы не придут

к тебе домой. К тому дому, где сейчас ночует твой бывший муж со своей секретаршей.

В дверь кабинета постучали. Три коротких удара. Не дожидаясь ответа, они открыли дверь, и внутрь вошли двое мужчин в темно-синих костюмах. Они не представились, не поздоровались. Просто встали по обе стороны от двери, заложив руки за спину. Один смотрел на сумку, другой — на руки. В лицо оба не заглядывали.

— Мои люди, — сказал Игорь, не повышая голоса. — Они могут быть твоими защитниками. Или свидетелями твоего ареста. Выбор за тобой. Прямо сейчас.

При их появлении я шагнула назад, бедром упёршись в край массивного стола. Упереться было больше некуда; мокрая от пота блузка прилипла к спине. Один из мужчин чуть повернул голову к двери; я проследила за движением и поняла, что до ручки он доберётся раньше меня. Хотелось попросить их выйти. Получилось только сдвинуться вдоль стола.

— Чего ты хочешь? — спросила я. Три слова выдержала; на большее пока не хватало.

Игорь достал из ящика стола папку. Тонкую, всего пару листов. Он положил её передо мной.

— Сделка вслепую. Ты отдаешь мне исходники. Все. До последнего байта. Я гарантирую, что после суда над Артуром они вернутся к тебе. Но сначала — подпись здесь.

Я взяла документ. Бумага была плотной, дорогой, с водяным знаком юридического бюро, название которого вызвало

у меня спазм в горле. Название я видела в документах крупных отраслевых сделок. Такой договор Артур не мог бы заказать на последние деньги.

Читала быстро, цепляясь за слова. «Передача исключительных прав», «безвозмездное пользование», «отказ от претензий». Пункт 4.2: «Исполнитель отказывается от любых имущественных и неимущественных претензий к Заказчику и третьим лицам, связанным с использованием технологии, включая случаи, когда такая технология используется в рамках уголовного преследования иных лиц».

Это была не защита. Это был капкан. Подписав это, я отдавала ему право действовать без моего согласия. Если Игорь решит использовать чертежи против кого-то еще, я не смогу открыть рот. Я стану той, чьё имя поставят под решением, но кому не дадут его оспорить.

На подпись я больше не смотрела. Зацепила пальцем край листа. Я вспомнила, как Артур улыбался, торопя меня поставить подпись под непрочитанными листами. Та же методика. Тот же холодный расчет.

— Нет, — сказала я, рвя договор пополам. Звук разрывающейся бумаги показался мне громче выстрела. Обрывки полетели на полированный паркет. — Я не буду подписывать контракт, который делает меня рабом. У вас есть рычаги давления, Игорь Валентинович. Используйте их. Но я не отдам оригиналы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.